

И, МОЖЕТ, СНОВА ДУШУ МИР СОГРЕЕТ У НАШЕГО БЛОКАДНОГО КОСТРА

Оформление: цветы, стенд с выставкой литературы по теме, плакаты, фотоматериалы, стенные газеты, посвящённые Ольге Берггольц и Дмитрию Шостаковичу, метроном.

Звучит отрывок из Седьмой симфонии Шостаковича.

1 чтец.

Мы предчувствовали колыханье
Этого трагического дня.
Он пришёл. Вот жизнь моя, дыханье,
Родина! Возьми их у меня.

О. Берггольц

1-й ведущий. И все же эта война пришла неожиданно, ошеломляющим смертоносным вихрем ворвалась она в нашу мирную жизнь – ворвалась и перевернула всё.

«Багряный хлынул свет!» – определила то время поэтесса Анна Ахматова.

Да, багряный... Отсветы военных пожаров осветили необозримые просторы нашей Родины, и в их свете ярче предстали мужество и непоколебимость нашего народа.

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет, –

писала Анна Ахматова, и так думал каждый, стремясь быть полезным своей Родине.

Ленинград в самом начале войны был окружён огненным кольцом блокады... Блокады, которая длилась почти тысячу дней и ночей и унесла более миллиона жизней ленинградцев.

Наша встреча сегодня посвящена мужеству, стойкости людей, переживших блокаду. Ленинград – единственный город, который устоял пе-

ред самой длинной блокадой (900 дней и ночей). Образ этого города помог миру, человечеству остановиться на краю страшной пропасти. Зато Ленинград устоял! Мы выстояли! Жизнь продолжается! У нас в гостях Князева Клавдия Степановна – моя школьная учительница русского языка и литературы, пережившая ленинградскую блокаду.

2-й ведущий. Какими бы тяжёлыми и жестокими ни казались эти воспоминания, сколько бы ни говорили, что это нужно забыть... – но ничто не забыто. Эти родившиеся в Ленинграде же слова звучат и как уверенность, и как надежда, просьба. Да, не забыто! Разве может человек такое забыть, даже если бы и хотел, имел право?! Да, всё это помнят ещё живущие блокадники. Они блокаду выдержали, они переносили её изо дня в день, сохраняя человеческое достоинство. Но мы, не пережившие этого, или сегодняшние молодые – имеем ли мы право не стараться узнать обо всём, что вынесли, пережили, перестрадали, сделали и ради нас они, ленинградцы?!

Алесь Адамович и Даниил Гранин по воспоминаниям людей, переживших блокаду, написали «Блокадную книгу». Они не раз, будоража всё ещё воспалённую болью и утратами душу блокадника, спрашивали себя: а надо ли, а имеем ли право? Ответом служат сами же рассказы ленинградцев. В них – в тексте, в интонации – звучит: да, нам тяжело, больно вспоминать, но ещё больнее было бы думать, что такое никому не нужно, кроме нас самих.

А ведь действительно, если всё это было на планете – тот блокадный смертельный голод, бессчётные смерти, муки матерей и детей, – то память об этом должна служить другим людям и десятилетия, и столетия спустя.

Чтец.

Октябрьский дождь стучит в квадрат оконный,
Глухие залпы слышатся вдали.
На улицах, сырых и очень тёмных,
Одни сторожевые патрули.

Мерцает жёлтый слепенький фонарик,
И сердце вдруг сжимается тоской,
Когда услышишь: «Пропуск ваш, товарищ...» –
Как будто ты нездешний и чужой.

– Вот пропуск мой. Пожалуйста, проверьте.

Я здешняя. И это город – мой.

У нас одно дыханье, дума, сердце...

Я здешняя, товарищ полевой.

...Но я живу в квартире, где зимою
Чужая чья-то вымерла семья.
Всё, что кругом, – накоплено не мною.
Всё не моё, как будто я – не я.

И точно на других широтах мира,

За целых два квартала от меня,

Моя другая – прежняя квартира,

Без запаха живого, без огня.

Я редко прихожу туда, случайно.
Войду и цепенею, не дыша;
Ещё не бывшей на земле печалью
Без слёз, без слов терзается душа...

Да, у печали этой нет названия,
Не выплачешь, не выскажешь её,
И лишь фанерных ставенок стенанье
Негромкое – похоже на неё.

А на стене – полоски из бумаги,
Дождями покороблены, желты:
Неведенья беспомощные знаки,
Зимы варфоломеевской кресты.

Недаром их весною отдирали
Те, кто случайно уцелел,
И только в нежилых домах остались
Бумажные полоски на стекле.

(О. Берггольц. «Отрывок». Октябрь 1942 г.)

1-й ведущий. Изменилось лицо Ленинграда. Окна магазинов и общественных зданий закрыли предохранительными щитами. В осажденном городе все скульптуры были или убраны с улиц, или заложены мешками с песком – все, кроме Медного всадника, памятников полководцам Кутузову, Барклаю де Толли и Суворову. Разместились на огненных позициях зенитные батареи. Город превратился в военную крепость. Немецко-фашистское командование рассчитывало захватить Ленинград к исходу третьей недели от начала войны. Оно назначило время парада немецких войск на Дворцовой площади, раздавало солдатам и офицерам путеводители по Ленинграду и даже отпечатало пригласительные билеты на торжественный банкет в гостинице «Астория». Перед командующим группой армии «Север» генералом-фельдмаршалом фон Леебом фюрер поставил задачу – штурмом овладеть городом, сравнять его с землей и сделать необитаемым. Не удалось. Тогда Гитлер сделал ставку на голод. А Лееба отстранил от командования. Его место занял генерал-полковник Кюхлер. Но и он не смог изменить положение под Ленинградом и ни на шаг не продвинулся к победе.

2-й ведущий. Вот тогда немецкий генеральный штаб обратился за консультацией к Цигельмайеру – одному из ведущих ученых в области питания. Он обдумывал и советовал, что следует делать, чтобы скорее уморить голодом Ленинград. Именно это имел в виду Геббельс, когда, немного кривя душой, записывал в своём дневнике 10 сентября 1941 года: «Мы в дальнейшем не будем утруждать себя требованиями капитуляции Ленинграда. Он должен быть уничтожен почти научно обоснованным методом».

Цигельмайер вычислял, сколько может продлиться блокада, при существующем рационе, когда люди начнут умирать, как будет происходить умирание, в какие сроки они все вымрут.

Цигельмайер точно знал, сколько осталось продовольствия, знал, сколько людей в Ленинграде. Правда, он сделал ошибку, положение было еще тяжелее: он не учел, сколько с армией пришло населения из Ленинградской, Новгородской и других областей.

Цигельмайер изумлялся и всё спрашивал: «Как они выдержали? Как они могли? Это совершенно невозможно! Я писал в ставку, что люди на таком пайке физически не могут жить. И поэтому не следует рисковать немецкими солдатами. Ленинградцы сами умрут, только не надо выпускать ни одного человека через фронт. Пускай их останет-

ся там больше, тогда они скорее умрут, и мы войдём в город совершенно свободно, не потеряем ни одного немецкого солдата».

Потом он говорил: «Я все-таки старый пищевик. Я не понимаю, что за чудо там произошло?»

Но он многого не знал.

1-й ведущий. В ноябре 1941 года для борьбы с авитаминозом стали изготавливать хвойную настойку, используя опыт двухвековой давности. В начале января 1942 года в городе начались заболевания пеллагрой. Надо было раздобыть никотиновую кислоту – витамин РР. На чердаках и вентиляционных трубах табачных фабрик собирали табачную пыль. Из нее извлекали никотиновую кислоту.

Цигельмайер не знал, как учились лечить алиментарную дистрофию. Наиболее эффективными оказались препараты белковые и витаминные. Полноценным белком были казеин, дрожжи, альбумин. А еще раньше использовали остатки горелого сахара на Бадаевских складах. Сахар, растопленный огнем, залитый водой, смешанный с землей, песком – десятки тонн! Глыбы черной сладкой земли, из которой производили леденцовую карамель.

2-й ведущий. Ужесточались продуктовые нормы. Город собирал всё, что можно было собрать, пустить в дело. Люди варили студень из маленьких кусочков кожи. Для того чтобы студень получался хороший, плотный, в него добавляли столярный клей. Его приправляли горчицей, перцем, уксусом. Многие умирали, поев оладьев из горчицы. Но в 42-м и этого уже ничего нельзя было достать. Вообще в перечне блокадной еды многое можно было найти – конопляные зёрна от птичьего корма, и самих канареек, и дроздов, и попугаев, собирали мучной клей от обоев, извлекали его из переплётков, вываривали ремни, ели кошек, собак, ворон, использовали олифу, глицерин...

1-й ведущий. Немецкий профессор не понимал, в чём он просчитался. Оказалась неучтённой вера в победу, духовные резервы организма ленинградцев.

В те дни, когда фашистское командование издало директиву № 44–1675/41 от 7 октября 1941 года, в которой говорилось: «Перед взятием город должен быть превращён в развалины артиллерийским огнем и воздушными налётами», на улице Некрасова зазвучала музыка. Это начала работу музыкальная школа имени Н.А. Римского-Корсакова, объединенная с музыкальным училищем.

Важное место в жизни школы начиная с осени 1941 года занимала концертная работа. Она давала радость и силу. Выступали в прифронтовых воинских частях и госпиталях, подразделениях МПВО, на радио. Но какие невероятные усилия нужны были для этого!

Звучит мелодия Листа.

Чтец. Вспоминает А.И. Образцова: «...Однажды на уроке мы с Натальей Леонидовной Беляевой работали над рапсодией Листа. Начался обстрел, но мы на него не обращали внимания. Наталья Леонидовна говорит: «Сосредоточься, возьми выразительный, сочный аккорд!»

Я сосредоточилась. Но вместо клавишей руки опустились на колени. Рояль в одно мгновение оказался в другом конце класса, вслед за этим раздался оглушительный грохот. Оказалось, снаряд пролетел через слуховое окно и разорвался в соседнем доме.

20 ноября произошло пятое по счету снижение нормы выдачи хлеба.

Мы стали получать по 125 граммов. В городе царил голод, холод. Добираться до школы учащимся приходилось с большими трудностями, пешком. Транспорт уже не работал. Уроки проходили в нетопленных помещениях. Занимались в пальто, в перчатках с обрезанными пальцами, в шубах, в платках. Чувствовалось, что с каждым днём убывают силы. И всё же, согревая замерзшие руки, забывая невзгоды, целиком отдавались музыке».

Звучит мелодия Листа.

Чтец.

Стрелки неподвижных часов,
Как трамваи неподвижно встали.
Но спокойно, под набат сирен,
Девочка играет на рояле.
Зимовать остался Мендельсон.
Как надежда, музыка

бессмертна.

Встали стрелки, город окружён.
До своих –

большие километры.

Хлеб, как пряник,

съеден по пути.

Раскладушка в ледяном

подвале.

Но, как прежде, ровно с девяти

Девочка играет на рояле.

2-й ведущий. «Зимой 1941/42 года по школе был издан приказ, разрешающий перенести занятия на дом к педагогам. К Наталье Леонидовне мы приходили небольшими группами – по два–три человека. Для печурки, кто мог, приносил иногда по полену дров. Наталья Леонидовна поила нас, замерзших, кипятком. Грели руки над «буржуйкой» и начинали занятия. Однажды, придя на занятия, мы узнали печальную весть, которая нас всех потрясла. Педагог класса виолончели Евгений Фёдорович Мольмгрен умер от голода во время занятия с одним из своих учеников. Школа теряла тогда многих преподавателей и учащихся.

1-й ведущий. Спали не раздеваясь. Месяцами так. Жили рядом с умершими. Жестокая правда обстоятельств, условий, беспощадная правда чувств мучит и поныне блокадника.

«Когда он лежал, я думала только об одном: "Если он умрёт, как я его буду хоронить?" Все хоронили как-то за хлеб, а у меня хлеба нет. И когда я выходила и видела этих покойничков, которых везли, я думала, что мне же, во-первых, не обшить его вот так, на саночки не положить. Но для меня было самое страшное – похороны. А то, что он умрёт, – я об этом не думала...»

Выполнить перед умершим последний долг в тех условиях было нелегко. Многим просто не по силам, и не по средствам. Рассказы о похоронах порой мучительнее, чем рассказы о смерти. Но одно тут неотделимо от другого.

Чтец.

Я как рубеж запомню вечер:

Декабрь, безогненная мгла,

Я хлеб в руке домой несла,

И вдруг соседка мне навстречу.

— Сменяй на платье, — говорит, —
Менять не хочешь — дай по дружбе.
Десятый день, как дочь лежит.
Не хороню. Ей гробик нужен.
Его за хлеб скотят нам.
Отдай. Ведь ты сама рожала...
И я сказала: — Не отдам. —
И бедный ломоть крепче сжала.
Отдай, — она просила, —
Ты сама ребёнка хоронила.
Я принесла тогда цветы,
Чтоб ты украсила могилу. —
...Как будто на краю земли,
Одни, во мгле, в жестокой схватке,
Две женщины, мы рядом шли,
Две матери, две ленинградки.
И, одержимая, она
Молила долго, горько, робко.
И сил хватило у меня
Не уступить мой хлеб на гробик.
И сил хватило — привести
Её к себе, шепнув угрюмо:
— На, съешь кусочек, съешь... прости!
Мне для живых не жаль — не думай.
...Прожив декабрь, январь, февраль,
Я повторяю с дрожью счастья:
Мне ничего живым не жаль —
Ни слез, ни радости, ни страсти.
Перед лицом твоим,
Война, я поднимаю клятву эту,
Как вечной жизни эстафету,
Что мне друзьями вручена.
Их множество — друзей моих,
Друзей родного Ленинграда.
О, мы задохлись бы без них
В мучительном кольце блокады.

(О. Берггольц. «Ленинградская поэма».)

2-й ведущий. Конечно же, сужался круг потребностей, интересов человеческих. Но те потребности, что остались, приобретали значение, силу, каких не имели в другое время. Пища духовная, когда так мало было просто хлеба, она не обесценилась, она значила больше, чем в сытые времена. У блокадного Ленинграда была своя богиня сострадания и надежды, и она разговаривала с блокадниками стихами. Стихами Ольги Берггольц.

«Я думала, что никогда больше не будут люди слушать стихи так, как слушали стихи ленинградских поэтов в ту зиму голодные, опухшие, еле живые ленинградцы, — пишет Ольга Берггольц в предисловии к сборнику "Говорит Ленинград". — Мы знаем это потому, что они находили в себе силы писать об этом в радиокомитет, даже приходиться сюда за тем или иным запомнившимся стихотворением, — это были разные люди — студенты, домохозяйки, военные».

Чтец. А её стихи часто просто, просто так настолько запоминались, настолько как-то ритмично укладывались в голову... Ну вот идешь и так шагая, бормочешь эти стихи её. «Пусть так стоит всегда зарей покрытый». Когда-то я знала это наизусть, и как-то это очень помогало, когда я лезла на вышку и когда приходилось стоять там под обстрелом на крыше нашей библиотеки.

(Озерова Галина Александровна.)

Чтец. Потом по радио стали передавать стихи Ольги Берггольц. Это я отлично помню, действительно было здорово. Это было под настроение. Это очень встряхнуло от этого животного думания о еде!

(Бабич Майя Яновна.)

Казалось, хлеб, прежде всего хлеб, ну ещё вода, тепло! И все говорили и думали, что все желания сосредоточились только на этом. На самом насущном. Ничего другого. Так ведь нет. В иссушённом организме душа, страдающая и униженная голодом, тоже искала себе пищи. Жизнь духа продолжалась. Человек сам себе порой удивлялся, своей восприимчивости к слову, музыке, театру. Стихи стали нужны. Стихи, песни, которые помогали верить, что не бесполезны и не тщетны его муки беспредельные.

Чтец. Я говорю с тобой под свист снарядов,
Угрюмым заревом озарена.
Я говорю с тобой из Ленинграда,
Страна моя, печальная страна...

Кронштадтский злой, неукротимый ветер
В моё лицо закинутае бьёт.
В бомбоубежищах уснули дети,
Ночная стража встала у ворот.

Над Ленинградом – смертная угроза...

Бессонны ночи, тяжёлый день любой.

Но мы забыли, что такое слёзы,

Что называлось страхом и мольбой.

Я говорю: нас, граждан Ленинграда,
Не поколеблет грохот канонад,
И если завтра будут баррикады –
Мы не покинем наших баррикад.

И женщины с бойцами встанут рядом,

И дети нам патроны поднесут,

И надо всеми зацветут

Старинные знамена Петрограда.

Руками сжав обугленное сердце,

Такое обещание даю

Я, горожанка, мать красноармейца,

Погибшего под Стрельною в бою:

Мы будем драться с беззаветной силой,

Мы одолеем бешеных зверей,

Мы победим, клянусь тебе, Россия,

От имени российских матерей.

(О. Берггольц. «Я говорю с тобой под свист снарядов...»

Август 1941 г.)

1-й ведущий. Только поэзия обладает таким даром пророчества. В пустых, вымороженных, тёмных квартирах после мёртвого стука метронома зву-

чал негромкий, чуть запинаящийся женский голос, который ждали все ленинградцы. Сквозь голодные видения к людям прорывались сострадание и любовь. Они исходили от женщины, которая так же мучилась, голодала, все понимая, все чувствуя.

Стук метронома.

Чтец. Дарья Власьевна, соседка по квартире,
Сядем, побеседуем вдвоём.
Знаешь, будем говорить о мире,
О желанном мире, о своём.
Вот мы прожили почти полгода,
Полтора ста суток длится бой.
Тяжелы страдания народа –
Наши, Дарья Власьевна, с тобой.
О, ночное воющее небо,
дрожь земли, обвал невдалеке,
бедный ленинградский ломтик хлеба –
Он почти не весит на руке...
Для того, чтоб жить в кольце блокады,
Ежедневный слышать свист –
Сколько силы нам, соседка, надо,
Сколько ненависти и любви...
Столько, что минутами в смятенье
Ты сама себя не узнаёшь: –
– Вынесу ли? Хватит ли терпенья? –
– Вынесешь. Дотерпишь. Доживешь.

(О. Берггольц. «Разговор с соседкой». 5 декабря 1941 г.)

2-й ведущий. Порой люди теряли самообладание от голода. Были случаи, когда более сильные отнимали хлеб у слабых. Бывали и драки. Но в основном люди не теряли своего человеческого облика.

Чтец. Я могу пример такой вам привести. Пришёл на толкучку парень. В семье осталось только два мальчика – один постарше, другой помладше. Карточки у них есть. Отец на фронте. Мать погибла от голода. И они пришли на толкучку продать бушлат. У них мужик купил бушлат за 300 граммов хлеба. А на другой день проснулись – карточек нет. Они в бушлате остались. И этот мужчина с бородкой пришёл к ним. По карточкам – там адрес был написан – нашёл, принес и отдал.

1-й ведущий. Голод и дети, блокада и дети – самое большое преступление фашистов перед Ленинградом, ленинградцами. Мучая голодом, убивая детей, они жалостью к детям пытали Ленинград, дожидаясь, чтобы или вымерли защитники Ленинграда, или сдали его.

Чтец. Говорит Александра Александровна Агронская: «Вы, знаете, я могу только сказать, что мы очень мелкими частичками ели. Мы никогда не кусали хлеб, а отщипывали, отщипывали кусочки хлеба и клали в рот. И в столовой мы по очереди имели возможность облизывать кастрюли после каши».

Чтец. В детском стационаре Ирине Киреевой запомнилась девочка. Её привезли уже умирающую. Девочка была старше Ирины.
«Она мне говорит: съешь, пожалуйста, мой хлеб, я не доживу до завтра. Лежит она рядом со мной...
Помню, я всю ночь не могла спать, потому что думала: взять хлеб или не взять? Все знают, что она не может уже есть. Но если возьму

этот хлеб, подумают, что я её украла у неё. А страшно хотелось есть. Страшная борьба с собой: чужое же! Так я хлеба не взяла. Вот сейчас, когда говорят: голодный может все сделать, и украсть, и прочее, прочее, – я вспоминаю чувства свои, ребёнка, когда чужое, хотя мне и отдавали его, я взять всё-таки не могла. А девочка действительно умерла, и этот кусок хлеба остался у неё под подушкой».

Чтец. Рассказывает Ольга Николаевна Писаренко: «Эвакуация началась во второй половине января... А перед рассветом, когда машины проезжали через Ладожское озеро, шофёры очень мчались, для того чтобы быстрее проехать эти тридцать – тридцать два километра, перед рассветом мы находили по пять, по шесть трупиков. Это были маленькие измождённые дети. Ребёнок на полном ходу вылетал из рук матери от её слабости. Мы старались узнать – чей это ребёнок? Разворачивали, но там ни записки, ничего не было. Это были дети от восьми месяцев до годика, мальчики и девочки».

2-й ведущий. Когда они попадали на Большую землю, их узнавали сразу: ленинградские дети!

И их не узнавали.

Узнавали по старческим личикам, походке, но прежде всего по глазам, видевшим всё! Видевшим всё то, что ленинградцы «скрыли от Большой земли...» А потом они становились самыми тихими на земле детьми.

Чтец. В блокадном музее Ленинградского педучилища № 5 сохранился оригинал письма на фронт – тринадцатилетней Тани Богдановой отцу. Как хочется ребёнку-ленинградцу, как необходимо ему пожаловаться солдату-отцу и как боится ранить своей болью, своей близкой гибелью того, кто спасает Ленинград: «Дорогой папочка! Пишу я вам это письмо во время моей болезни, когда думала, что я умру, и пишу из-за того, что я жду смерть, а потому, что она приходит сама неожиданно и очень тихо... Дорогой папочка, я знаю, что вам тяжело будет слышать о моей смерти, да и мне-то помирать больно не хотелось, но ничего не поделаешь, раз судьба такая. Я знаю, что трудно вам будет понять мою болезнь... сильно старалась поддержать меня мамочка и поддерживала всем, чем могла и что было. Она даже для меня отрывала и от себя и ото всех понемногу, но так как было очень трудно поддержать, пришлось поэтому мне помереть. Папочка, болела я в апреле, когда на улице было так хорошо, и я плакала, что мне хотелось гулять, а я не могла встать с кровати, так спасибо дорогой мамочке, она меня одела и вынесла на руках во двор на солнышко погулять. Дорогой папочка, вы сильно не расстраивайтесь, ведь и мне-то умирать больно не хотелось, потому что скоро лето, да и жизнь цветёт впереди. Пишу я вам это письмо, и сама плачу, но сильно боюсь расстраиваться, так как руки и ноги начинает сводить судорога, а ведь как не заплакать, жить больно хочется...»

1-й ведущий. Солдат Богданов вернулся с войны. Но дома у него погибло пятеро детей. И в их числе Таня.

1-й ведущий. Имя другой ленинградской девочки Тани стало известно на весь мир. Дневники стали вести многие ленинградцы. Возможно, такое происходило с начала войны и в других городах. Но в Ленинграде явление это достойно внимания более всего.

Немало душ, сердец во всем мире потряс зимний дневничок Тани Савичевой: «Бабушка умерла 25 января...», «Дядя Алеша 10 мая...», «Мама 13 мая в 7.30 утра...», «Умерли все. Осталась одна Таня». Она тоже умрёт...

Чтец. Был день как день.
Ко мне пришла подруга,
Не плача, рассказала, что вчера
Единственного схоронила друга,
И мы молчали с нею до утра.
Какие ж я могла найти слова,
Я тоже – ленинградская вдова.
Мы съели хлеб,
Что был отложен на день,
В один платок закутались вдвоем,
И тихо-тихо стало в Ленинграде.
Один, стуча, трудился метроном... *(Стук метронома.)*
И стыли ноги, и томила свечка.
Вокруг её слепого огонька
Образовалось лунное колечко,
Похожее на радугу слегка.
Скрипят, скрипят по Невскому полозья,
На детских санках, узеньких, смешных,
В кастрюльках воду голубую возят,
Дрова и скарб, умерших и больных...
Скрипят полозья в городе, скрипят...
Как многих нам уже не досчитаться!
Но мы не плачем: правду говорят,
Что слёзы вымерзли у ленинградцев.
Как мы в ту ночь молчали, как молчали...
Но я должна, мне надо говорить
С тобой, сестра по гневу и печали:
Прозрачны мысли и душа горит.
(О. Берггольц. «Февральский дневник».)

2-й ведущий. Слово предоставляется нашей гостье. Мы просим Вас рассказать о себе. И простите нас за тяжкие воспоминания.

Чтец. Дарья Власьевна, соседка, здравствуй.
Вот мы встретились с тобой опять.
В дни весны желанной ленинградской
Надо снова нам потолковать.
Тихо-тихо. Небо золотое.
В этой долгожданной тишине
Мы пройдем по Невскому с тобою,
По былой «опасной стороне».
Как истерзаны повсюду стены!
Бельма в каждом выбитом окне.
Это мы тут прожили без смены
Целых девятьсот ночей и дней.
Мы с тобою танков не взрывали.
Мы в чаду обыденных забот
Безымянные высоты брали, –
Но на карте нет таких высот.

Где помечена твоя крутая
Лестница, ведущая домой,
По которой, с голоду шатаясь,
Ты ходила с ведрами зимой?
Где помечена твоя дорога,
По которой десять раз прошла
И сама – в пургу, в мороз, в тревогу –
Пятерых на кладбище свезла?

Только мы с тобою, мы, соседка,
Помним наши тяжкие пути.
Сами знаем, в картах или в сводках
Их не перечислить, не найти.
А для боли нашей молчаливой,
Для ранений — скрытых, не простых –
Не хватило б на земле нашивок,
Ни малиновых, ни золотых.

На груди, над сердцем опаленным,
За войну принявшим столько ран,
Лишь медаль на ленточке зелёной,
Бережно укрытой в целлофан.
Вот она – святая память наша,
Сбережённая на все века...
Что ж ты плачешь, что ты, тётя Даша?
Нам ещё нельзя с тобой пока.

Дарья Власьевна, не мы, так кто же
Отчий дом к победе приберёт?
Кто ребятам-сиротам поможет,
Юным вдовам слёзы оботрет?
Это нам с тобой, хлебнувшим горя,
Чьи-то души греть и утешать.
Нам, отдавшим всё за этот город, –
Поднимать его и украшать.

Нам, не позабыв о старых бедах,
Сотни новых вынести забот,
Чтоб сынов, когда придут с победой,
Хлебом-солью встретить у ворот.
Дарья Власьевна, нам много дела,
Точно под воскресный день в дому.
Ты в беде сберечь его сумела,
Ты и счастье вернешь ему.

Счастье извечное людское,
Что в бреду, в крови, во мгле боёв
Сберегло и вынесло простое
Сердце материнское твоё.

(Апрель 1944. О. Берггольц. «Второй разговор с соседкой».)

1-й ведущий. В Ленинграде острее протекала смена картин мира и войны и потому, вероятно, были острее ощущения.

И там –
...во мраке, в голоде, в печали,
Где смерть тащилась по пятам, –
оставался и профессор ленинградской консерватории, прославленный на весь мир композитор – Дмитрий Шостакович. Вместе с други-

ми ленинградцами он ездил за город рыть укрепления, вместе с другими преподавателями и студентами консерватории жил в здании на казарменном положении, дежурил на её крыше.

И всё это время в его душе, кипевшей великим гневом, зрел грандиозный замысел нового сочинения, которое должно было отразить мысли и чувства миллионов людей. Всё передуманное, пережитое в первые военные дни требовало выхода, искало своего воплощения в звуках.

Вскоре этот замысел начал приобретать вполне отчётливые формы – развернутое симфоническое произведение должно было стать не только величественным монументом героической эпохе, но и лозунгом, призывом к борьбе до победного конца.

Исполнение музыкального произведения.

Отрывок из седьмой (Ленинградской) симфонии.

Чтец.

Весной сорок второго года множество ленинградцев носили на груди жетон – ласточку с письмом в клюве.

Сквозь года, и радость, и невзгоды

Вечно будет мне сиять одна

Та весна сорок второго года,

В осаждённом городе весна.

Маленькую ласточку из жести

Я носила на груди сама.

Это было знаком доброй вести,

Это означало – «жду письма».

Этот знак придумала блокада:

Знали мы, что только самолёт,

Только птица к нам до Ленинграда

С милой-милой Родины дойдет...

...Сколько писем с той поры мне было!

Отчего же кажется самой,

Что доньше я не получила

Самое желанное письмо...

Чтобы к жизни, вставшей за словами.

К правде, влитой в каждую строку,

Совестью припасть бы, как устами

В раскалённый полдень – к роднику.

Кто не написал его, не выслал?

Счастье ли? Победа ли? Беда?

Или друг, который не отыскан

И не узан мною навсегда?

Или где-нибудь доньше бродит

То письмо, желанное как свет,

Ищет адрес мой, и не находит,

И, томясь, тоскует: где ж ответ?

Или близок день – и непременно

В час большой душевной тишины

Я приму неслыханной, нетленной

Весть, идущую ещё с войны?

О, найди меня, гори со мною

Ты, давно обещанная мне

Всем, что было, – даже той смешною
Ласточкой – в осаде, на войне...

(О. Берггольц. «Блокадная ласточка». 1946 г.)

2-й ведущий. Никогда ленинградцы не забудут день 27 января 1944 года. С волнением и радостью слушали они по радио обращение Военного совета Ленинградского фронта: «Город Ленинград полностью освобождён от вражеской блокады... Граждане Ленинграда! Мужественные и стойкие ленинградцы! Вместе с войсками Ленинградского фронта вы отстояли наш родной город».

Чтец.

– Здравствуй... Сердцем, совестью,
дыханьем,

Всею жизнью говорю тебе:

– Здравствуй, здравствуй. Пробил час
свиданья,

Светозарный час в людской судьбе.

Я четыре года самой гордой –
Русской верой – верила, любя,
Что дождусь живую или мёртвой,
Всё равно, – но я дождусь тебя.
Вот и дождалась тебя – живую...
– Здравствуй... Что ещё тебе сказать?
Губы мне свело священным зноем,
Слезы опаляют нам глаза.

Ты прекраснее, чем нам мечталось,

Свет безмерный, слава, сила сил.

Ты – как день, когда Земля рождалась,

Вся в заре, в сверкании светил.

Ты цветеньем яблоневым белым

Осыпаешь землю с высоты.

Ты отрадней песни колыбельной,

Полная надежды и мечты.

Ты – такая... Ты пришла такая...

Тыдохнула в мир таким теплом...

Нет, я слова для тебя не знаю.

Ты – Победа. Ты превыше слов.

Счастье грозное твое изведав,
Зная тернии твоих путей,
Я клянусь тебе, клянусь, Победа,
За себя и всех своих друзей, –
Я клянусь, что в жизни нашей новой
Мы не позабудем ничего:
Ни народной драгоценной крови,
Пролившей за это торжество,
Ни твоих бессмертных буден,
Ни суровых праздников твоих,
Ни твоих приказов не забудем,
Но во всем достойны будем их.

Пусть же твой огонь неугасимый

В каждом сердце светит и живёт

Ради счастья Родины любимой,
Ради гордости твоей, Народ.

(Ольга Берггольц. «Встреча с Победой». 10 мая 1945 г.)

1-й ведущий. 9 мая, в День Победы, ленинградцы идут на Пискаревское кладбище. Земляные холмы братских могил уже свободны от снега, прошлогодняя трава распрямилась. На тёмную её жухлую зелень люди кладут цветы, а некоторые кладут конфеты, папиросы, хлеб, маленький кусочек хлеба...

Блокадный город, где он – город потерь, город страдания, с пустырями разобранных, сгоревших домов, развалин, затаённый город невозместимых утрат, неосуществлённых жизней, непроросших семян. Этот город не разглядеть. Город возвращался к нормальной жизни с энергией неистовой, словно бы накопленной за девятьсот блокадных дней.

Но все это было, и живущие люди должны об этом знать.

Чтец.

Да, ты пытал нас мором и огнём,
Да, ты бомбил и разбомбил наш дом,
Но разве мы от этого бездомней?
Ты за снарядом посылал снаряд,
И это – двадцать месяцев подряд.

Но разве ты нас научил бояться?

Нет, мы спокойнее, чем год назад.

Запомни, этот город – Ленинград,

Запомни, эти люди – ленинградцы!

(З. Шишова. «Блокада». Отрывок. 1941–1943.)

Литература

1. Адамович А., Гранин Д. Блокадная книга. Л.: Лениздат, 1998.
2. Берггольц О. Стихи и поэмы. Советский писатель. Ленинградское отделение. 1995.
3. День поэзии. 1985. Москва: Сборник. – М.: Советский писатель, 1986.
4. Осипова А.М., О.Н. Тюлева. Стояли со взрослыми рядом... Сборник документальных очерков. Л.: Лениздат, 1985.